

ВОСПИТАНИЕ С АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ.

В деле воспитания детей разлад между теорией и практикой проявляется очень резко. В то время как теоретики проповедают свою теорию „естественного воспитания“ и порицают практиков за употребление слишком искусственных рутинных способов, практики относятся с презрением ко всяким широким обобщениям и никак не хотят променять на них добытые опытом педагогические результаты. Теория естественного воспитания Ж.-Ж. Руссо нашла горячих последователей и между современными теоретиками-философами. Так, Герберт Спенсер, исходя, очевидно, из того же принципа „que les premiers mouvements de la nature sont toujours droits“, советует родителям и воспитателям превратиться в род посредника между природой и ребенком и, никогда не придумывая „искусственных“ способов исправления, всегда обращаться к „естественному методу“. Сущность этого метода заключается в том, чтобы ребенок видел в наказании необходимое последствие его проступка, чтобы он собственным опытом дошел до сознания, что наказание и проступок относятся как следствие к причине во всех естественных явлениях. Герберт Спенсер посвящает целую главу „о нравственном воспитании“ разъяснению этого метода, который был выражен уже Руссо в следующем правиле: *il ne faut jamais infliger aux enfants les châtiments comme châtiment, mais il doit toujours leur arriver comme une suite naturelle de leur mauvaise action*“. Руссо полагает, впрочем, что и в таком наказании должна редко встречаться надобность при правильном „естественном“ воспитании. Он убежден, что склонности и желания детей являются единственно ради их собственной пользы, и что все попользование детей к вредным действиям составляют результат дурного воспитания. Поэтому нужно давать возможно больший простор детской воле. Будучи в значительной степени предоставлен своим собственным средствам, ребенок научится опытом отличать вредное от полезного и сумеет избегать первого. Герберт Спенсер комментирует это положение различными примерами. „Если ребенок упадет или ударится головою об стол, то уже одно воспоминание о боли заставит его быть более осторожным. Если он дотронется до решетки камина, сунет руку в пламя свечи,

обварится кипятком, — ожог будет для него уроком, который он не скоро забудет. Впечатление, произведенное *одним или двумя происшествиями такого рода*, так глубоко, что никто не уговорит потом ребенка пренебрегать законами своего организма“. Так как приведенный и другие подобные ему примеры самым наглядным образом уясняют принцип „естественного наказания“, то и разбор таких примеров может до некоторой степени служить критикой самой теории. Спенсер не указывает нам о ребенке какого возраста он говорит; но, по самой сущности дела, нужно думать, что он имеет в виду очень маленького, приблизительно пятилетнего, ребенка, — более взрослый не станет уже делать опытов со всовыванием пальца в пламя свечи. Если мы, основываясь на наблюдениях из обычной жизни, станем разбирать вопрос о том, какие последствия будут иметь удар и ожоги на маленького ребенка, то найдем, как непосредственное последствие, испуг и чувство боли. Так как последняя (например, боль от горячей воды и раскаленного железа) может продолжаться довольно долго, то ребенок будет находиться, сверх того, долгое время в возбужденном, нервном состоянии. Возможно, что он действительно с первого же или со второго раза найдет причинную связь между камином, водою, столом и болью, но в таком случае он не будет в состоянии узнать настоящей причины, вызвавшей в нем болезненное ощущение, так как он непременно соединит воспоминание о боли с воспоминанием о столе, камине и воде. Все эти предметы действуют, главным образом, на зрение, и у ребенка навсегда останется воспоминание о форме и цвете камина, соединенное с воспоминанием о боли; поэтому он будет всегда бояться подойти к камину и дотронуться до него. Умение соединить причинную связь болезненное ощущение с невидимым свойством (раскаленностью) камина никак не может быть приписано маленькому ребенку, сделавшему один или два опыта. То же самое должно быть сказано и относительно других случаев, когда ребенок поспешно заключает о причинной связи различных явлений. Известная пословица: „У страха глаза велики“, показывает очень ясно, что ум склонен слишком широко обобщать связь болезненных ощущений с вызвавшими их предметами. Вследствие такого чересчур широкого обобщения, собака, битая несколько раз палкой, начинает бояться всякой палки и всякого другого предмета, похожего на палку. То же самое мы видим и на детях. Имея, таким образом, в виду, что слишком скоро сделанное заключение ведет к чересчур широкому обобщению, мы должны прийти к выводу, что поступающий на основании такого „опыта“ ребенок станет в неверное, неестественное отношение к предметам. Ударившись об стол, обварившись водой, обжегшись о камин, он будет бояться стола, воды и камина и не решится иметь дело с этими предметами даже в том случае, когда они будут ему положительно полезны. Без посторонней помощи он не скоро научится правильно связывать причины со следствиями. Но нужно заметить, что в жизни маленького ребенка встречается огромное множество таких случаев, когда отношения его к окружающей

природе гораздо более сложны и потому еще гораздо менее понятны ему, чем разобранный пример с кипятком, раскаленным железом и пр. Например, ребенок нездоров и ему нужно принять невкусное лекарство. (Я надеюсь, что и самые отчаянные философы-теоретики не откажутся признать факта, что не все детские болезни происходят от дурного воспитания: наилучше воспитанные, по мнению этих философов, дети диких народов также не освобождены от болезней.) Ребенок, попробовав горькую микстуру, отказывается пить ее: он не в состоянии понять, что от невкусного лекарства может последовать выздоровление. Положим даже, что он уже не в первый раз болен и не в первый раз принимает лекарство, но так как между приемом микстуры и выздоровлением проходит всегда более или менее длинный промежуток времени, в который совершается много разных событий, то не только ребенок, но даже часто и взрослый человек не может уловить здесь естественной связи явлений и открыть действительную причину выздоровления. Если ребенок (что и бывает в большинстве случаев) отказывается от добровольного принятия микстуры и если за этим следует ухудшение болезни, то и здесь, и опять по той же причине, т. е. вследствие более или менее значительной разрывности причинной связи явлений, он не в состоянии уловить причинной связи явлений. Совершенно сходные столкновения ребенка с природою являются постоянно в деле выбора пищи. Ребенок ест все, что ему ни попадается на глаза, и в таком количестве, какое только может в него войти. Каким образом может он понять, что в том куске, который он ест, поднявши его прямо с пола, находятся яйца паразитов, могущие произвести очень серьезную болезнь; или что те плоды, которые он где-нибудь сорвал, могут быть ему вредны или даже опасны. Сколько событий произойдет в тот промежуток времени, который необходим, чтобы какое-нибудь вредное вещество произвело свое необходимое последствие, или „естественное наказание“ Спенсера. Если философы-теоретики станут возражать, что нормальный, неиспорченный воспитанием ребенок руководится при выборе пищи особым пищеизбирательным инстинктом, который отталкивает от него все вредные яства, то как же после этого объяснить, что животные, как домашние (т. е. „испорченные“ человеком, по мнению философов-теоретиков), так и дикие, наедаются паразитов, которые производят нередко смертельные болезни. Или как объяснить, что обезьяны в Индии до того опиваются наркотическими напитками, что человек с помощью этого ловит их и работает. Я привел такого рода примеры из обыденной жизни ребенка, когда он бывает не в состоянии найти связь между двумя отдаленными друг от друга по времени явлениями. Но какое множество подобных фактов встречается на каждом шагу в детской жизни. Польза чистоты, одного из главнейших гигиенических условий, принадлежит к числу таких фактов, которые не могут быть поняты детским умом. Дети, начиная с очень раннего возраста, „капризничают“ при одевании и умывании и, напротив, с большим удовольствием пачкаются. Какое же тут может быть

„естественное“ наказание вслед за проступком, вредность которого никак не может быть познана ребенком. Совершенно неестественно будет и наказание, которое предлагает Спенсер для маленькой Констанции, всегда опаздывающей с приготовлениями к прогулке. „Живого нрава и способная углубиться в занятия минуты, Констанция никогда не думала одеваться, пока остальные дети не были уже готовы. Гувернантке и сестрам почти постоянно приходилось ждать ее; а мать почти неизменно награждала ветреницу одним и тем же выговором. Как неудачна ни оказывалась эта система, матери никогда не приходило на мысль попробовать на Констанции „естественное наказание“. „Если Констанция не готова во-время, *естественный результат* тот, чтобы ее оставили дома и лишили прогулки“. Я не знаю, скоро ли подобное наказание сделало бы Констанцию, девочку „живого нрава“ и очевидно увлекающуюся, аккуратной и внимательной по отношению к приготовлениям к прогулке; я полагаю, что, оставшись дома, она осталась бы недовольна обращением с ней и не приняла бы на себя никакой вины (и в этом я с ней совершенно согласен). Она рассуждала бы, по всей вероятности, следующим образом: „я не приготовилась к прогулке единственно потому, что была уверена, что назначенный час еще не пришел; занявшись делом, я не заметила, как прошло время; это—ошибка, но совершенно невольная: у меня не было ни малейшего желания задержать сестер и тем делать им неприятность, а между тем я теперь страдаю. Если у меня живой и увлекающийся характер, то в этом всего менее виновата я; если характер зависит от воспитания, то виноваты те, кто меня воспитывает; если же характер есть приращенное свойство, то и тут я ни в чем не причастна“. Одним словом, Констанция, не имея даже надобности в последовательном рассуждении, ясно чувствовала бы, что она сделала ошибку не по своей вине, а вследствие совершенно независимого от ее воли обстоятельства (т.-е. от живого характера); и в то же время она чувствовала бы, что терпит наказание. Подобная исправительная система может только запугивать детей, что, как известно, очень дурно влияет на развитие характера. Спенсер находит, что проповедуемый им способ наказания есть самый справедливый, и видит большое преимущество его в том, „что каждый ребенок признает справедливость естественного наказания“. Он думает, что „когда ребенок ощущает точную меру неприятных последствий своих дурных действий, он должен более или менее ясно сознать *справедливость наказания*“. С этим невозможно согласиться ни под каким видом. Чтобы признать справедливость наказания, для этого нужно или сознавать в себе волю, или же, не рассуждая ни о чем, принимать на веру все, сообщаемое „старшими“. Поэтому сознавать справедливость наказания может только развитый человек, который вообще считает себя существом, долженствующим не подчиняться постороннему влиянию, а бороться с ним и действовать по собственной (по крайней мере, как таковая сознаваемой) воле, или же забитый ребенок, который никакой воли не имеет и не сознает, а думает,

что он „виноват“, если ему это прикажут думать. За исключением этих крайних случаев, наказуемый чувствует или сознает, что он совершил проступок под влиянием какой-нибудь посторонней силы и что, следовательно, он выносит наказание, несправедливо ему вмененное. Относительно ребенка нужно еще иметь в виду то обстоятельство (о чем будет подробно сказано ниже), что при слабой воле чувствительность у него вообще очень сильно развита. Побуждение к совершению проступка, или так называемый соблазн, будет на него действовать всегда сильно, подавляя неразвитую волю, и сильно же будет действовать на него наказание. Последнее должно, следовательно, еще усилить чувствительную сторону ребенка. Терпя наказание и не признавая за собой вины, ребенок должен сильно чувствовать или горе, или злобу, или то и другое вместе. Спенсер, очевидно, не различает чувства справедливости от чувства естественной законности. Лиссабонское землетрясение было явлением совершенно законным с точки зрения естественной связи событий, но кто же в душе не возмущался несправедливостью подобной катастрофы, поглотившей столько невинных людей. Собственно эпитеты справедливости или несправедливости даже не могут быть и прилагаемы к естественным природным явлениям. А ребенок, сознающий или чувствующий, что проступок его был простым результатом посторонних его воле влияний, должен так же смотреть на наказывающего его воспитателя, как мы смотрим на наказывающую природу, т.е. как на нечто такое, что действует, не обращая внимания на справедливость или несправедливость. Из разобранных примеров можно уже видеть, что ребенок не в состоянии вступить в правильные отношения к природе, основываясь только на действии своего ума, т.е. на том опыте, который ему доступен. Следовательно, роль воспитателя уже поэтому не может ограничиться только одним посредничеством между ребенком и внешней природой. Ребенок на каждом шагу встречает в жизни такие положения, которые могут быть правильно поняты только с помощью долгой опытности и большого знания. Он не может ни понять, ни почувствовать связи между явлениями, отделенными друг от друга продолжительным промежутком времени; поэтому ему вообще недоступна идея полезности, тогда как сфера чувственного удовольствия или неудовольствия для него открыта. Теория „естественного воспитания“ открыто или тайно, но должна признать, как принцип, что естественные склонности ребенка если не сознательно, то инстинктивно ведут к пользе. Но это справедливо только в самых общих чертах. Действительно, голод, жажда и другие естественные побуждения имеют целью пользу организма, т.е. сохранение его жизни. Но, говоря о воспитании человека, мало того, чтобы он мог жить в чисто физиологическом смысле слова; нужно, чтобы ребенок воспитывался и развивался во всех отношениях, а тут-то и оказывается, что не все склонности ребенка настолько полезны, как голод и жажда, для сохранения даже материальной жизни. Ж.-Ж. Руссо и другие защитники „естественного воспитания“ стояли на том, что природа

создала человека „совершенным“, т.-е. приноровленным к наилучшей жизни, но что человек сумел испортить всю природу до того, что хорошее, „естественное“ воспитание теперь уже является нам делом почти-что невозможным. „O, hommes! est-ce ma faute si vous avez rendu difficile tout ce qui est bien“ (о, люди! моя ли вина, что вы сделали трудным все, что хорошо), говорит Руссо (Emile, I, 128). Откуда же, спрашивается, человек получил возможность так легко испортить свое существование, если он родился вполне способным к наилучшей жизни? Защитники „естественного воспитания“ не отвечают на этот вопрос, но, раз предположивши, что человек первоначально испортился, они указывают на употребительное воспитание, как на источник распространения зла. С целью искоренить последнее они и предлагают родителям быть „толкователями и служителями природы“. А между тем, именно Руссо мог лучше, чем кто-либо другой, найти действительный источник зла и усмотреть, что воспитание, несмотря на все его большое значение, не есть, по крайней мере, единственная причина „порчи“ человека. Не он ли говорит про самого себя: „Il faut, que malgré l'éducation la plus honnête, j'eusse un grand penchant à dégénérer: car cela se fit très rapidement, sans la moindre peine; et jamais César si précoce ne devint si promptement Laridon“¹⁾; и далее: „si jamais enfant reçut une éducation raisonnable et saine, c'a été moi“²⁾ (повидимому, несмотря на самое добропорядочное воспитание, я имел наклонность к испорченности: ибо это произошло очень быстро, без всякого труда, и никогда столь рано развившийся Цезарь не превращался столь быстро в Ларидона; ...если когда-либо какой-либо ребенок получал разумное и здоровое воспитание, так это был я).

И несмотря на такое, по мнению самого Руссо, хорошее воспитание, он сам описывает себя не особенно доблестным человеком. Значит, существует нечто такое, что независимо от воспитания и гораздо глубже его действует на человека. Я предлагаю обратить внимание именно на эту непоследовательность Руссо. Рассуждая о „естественном воспитании“, он уверяет, что дурное воспитание испортило людей и что одно хорошее воспитание непременно сделает человека хорошим. Оставивши же в стороне всякие теоретические вопросы и планы, превратившись в человека, анализирующего фактически прожитое прошедшее, Руссо уже сознает, что одним воспитанием ничего не сделаешь, что, несмотря на все добродетели, которыми он был окружен, в нем развились сквернейшие недостатки.

До сих пор мы говорили о теории так называемого естественного воспитания с целью показать, что она не решает главного вопроса, и затем указали на признание Ж.-Ж. Руссо, что, независимо от воспитания (каково бы оно ни было), существует еще нечто другое („grand penchant à dégénérer“—большая наклонность к испорченности), влияющее громадным образом на всю судьбу

¹⁾ *Rousseau*. Confession. Oeuvres complètes, т. VIII, 1865, стр. 20,

²⁾ *Ibid.*, стр. 42.

человека. Решение этого вопроса, очевидно, необходимо для того, чтобы определить границы и действительное значение воспитания. Для решения подобного вопроса недостаточно одного размышления, основанного на обыденных, кое-как собранных данных. Это лучше всего видно именно потому, что такие умные и глубокие мыслители, как Ж.-Ж. Руссо и Герберт Спенсер, с помощью одних априористических выводов, пришли к такой теории, которая положительно не выдерживает критики. Для возможно удовлетворительного решения вопроса мы необходимо должны прибегнуть к помощи положительной науки, которая уже и теперь дает нам много важных фактов. Цель нашей статьи и заключается именно в том, чтобы показать, что основной вопрос воспитания настолько же подчиняется точной научной разработке, как и многие другие вопросы из человеческой жизни. Правда, в настоящее время мы еще не можем представить достаточно полного и всестороннего ответа на наш вопрос, но можем, по крайней мере, указать на пути, по которым нужно следовать. При рассмотрении теории „естественного воспитания“ было сказано, что защитники ее обвиняют человека в том, что он слишком отделился от природы. Они находят, что природа сделала свое дело, и что человеку нужно только не отступать от указываемого ею пути. Известно, как подобное воззрение выдвинуло в прошлом столетии изучение „естественных“ первобытных народов, в которых цивилизованные люди искали для себя примеров. Простота этой жизни так называемых „диких“ действительно должна была поражать резким контрастом при сравнении ее с чересчур усложненной и, в самом деле, дикой жизненной обстановкой наиболее цивилизованных людей. В то время указывали и на животных, как на существа, живущие „естественной“ жизнью природы и тем представляющие для цивилизованного (или, что то же, „испорченного“) человека много поучительного. Если мы сравним воспитание современного цивилизованного человека с простым воспитанием „дикаря“ или с еще более простым воспитанием высших животных, то нам представится громадное различие. Уже а priori можно заключить, что наиболее сложное и продолжительное воспитание мы встретим у наиболее цивилизованных народов. Очевидно, что для того, чтобы изучить какое-нибудь ремесло или науку, и вообще для того, чтобы сделаться членом современного общества, нужно пройти длинную школу как умственного, так и нравственного обучения. Для цивилизованных обществ все более и более оправдывается пословица: „век живи, век учись“. Совершенно иное мы видим относительно народов нецивилизованных, или так называемых „дикарей“. Тут воспитательный период жизни продолжается несравненно короче. Ребенок может скоро изучить все незатейливые ремесла родителей и с раннего возраста начать вести более или менее самостоятельную жизнь. „Дети американских индейцев подражают своим родителям и, играя, изучают ремесла, нужные для их дальнейшей жизни. М. Кенне рассказывает, что уже маленькие дети хиказавов употребляют ружья для стрельбы птиц, белок, кроликов и пр. на расстоянии

от 20 до 30 футов" ¹⁾. „Уверяют, что дети некоторых индейцев уже на третьем году начинают ездить верхом" ²⁾. „На западном берегу Африки дети очень рано выучивают язык, все приемы и действия взрослых" ³⁾. Совершенно согласные с этим показания мы находим и относительно несколько более цивилизованных народов Средней Азии. Вот что говорит, например, Вамбери: „Время ребячьих игр в Средней Азии тянется недолго. Девочку рано начинают учить прясть, ткать, шить, делать сыр и т. п., а мальчика уже на пятом году сажают на лошадь; на десятом же, а иногда и раньше, он участвует уже в маневрах—примерных сражениях—и жокеем на скачках" ⁴⁾. В показаниях путешественников, к сожалению, довольно редко попадаются факты о воспитании детей у первобытных народов, но все, что мы знаем об этом предмете, согласно показывает, что воспитательный период у них, сравнительно с цивилизованными народами, очень короток. Это подтверждается и тем, всем известным, фактом, что у нас крестьянское юношество, при нахождении его в обычных условиях, скорее становится взрослым, чем юношество более развитых классов. У крестьян браки совершаются вообще значительно раньше, чем в образованном обществе, что совершенно ясно а priori.

Но как ни значительна разница в воспитательном периоде у нецивилизованных и цивилизованных людей, все же она далеко не в такой степени поразительна, как различие в продолжительности того же периода у людей и других млекопитающих. Возьмем несколько примеров. Собака, несмотря на то, что она рождается слепой, уже на третьем или четвертом месяце меняет зубы, а через девять или десять месяцев становится вполне способною к размножению. Медведь развивается несколько дольше: он растет до шести лет, но половой зрелости достигает раньше этого срока. Волк становится способным к размножению на третий год своей жизни; в то же время созревают органы размножения у оленя и лося. Приблизительно в этом же возрасте созревает и осел. Мелкие животные развиваются вообще гораздо скорее. Крыса оканчивает свое развитие через два-три месяца; хомяк приблизительно в такой же срок становится способным к размножению; окончательно же вырастает он через год. Сказанное здесь относительно кратковременности физического развития различных животных в не меньшей мере справедливо и относительно психического их развития. Чуди, описывая жизнь молодых лисиц, поражается сходством их маневров с приемами взрослых. То же самое рассказывают многие наблюдатели и относительно других животных. Брэм говорит следующее о развитии исследованного им тюленя: „новорожденный рос с замечательной быстротой; он, видимо, увеличивался в величине и во всем объеме; движения его с каждым днем становились свободнее и умнее, понимание окру-

¹⁾ Waitz. Die Indianer Nordamerikas. Leipzig, 1865, стр. 101.

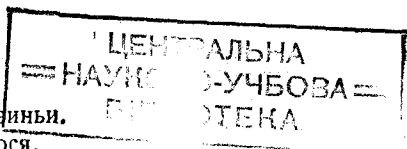
²⁾ Waitz. Anthropologie der Naturvölker. Leipzig. 1862, т. III, стр. 117,

³⁾ Ibid. Т. II, стр. 123.

⁴⁾ Очерки средней Азии. 1868, стр. 91,

жающего вообще увеличивалось. Около восьми дней по рождении он уже на суше принимал все туленьи положения: лениво ложился на бок и на спину, выгибался, приподымая задние лапы вверх и играя ими, и пр. На третьей неделе своей жизни он уже превратился в настоящего тюленя¹⁾. Так как сравнительная продолжительность воспитательного периода для нас имеет величайшую важность, то мы, прежде всего, намерены рассмотреть отношения ее к продолжительности периода развития в матке и к продолжительности жизни вообще. Сравнивая продолжительность эмбрионального развития (т.-е. развития внутри тела матери) с продолжительностью воспитательного развития до достижения половой зрелости, мы получаем следующие цифры (выводя это отношение для человека, мы брали 15 лет за срок наступления половой зрелости и имели в виду населяющие Европу цивилизованные народы). Продолжительность внутриматочного развития относится к продолжительности внематочного развития до достижения половой зрелости²⁾, как:

1 : 20	у человека.
1 : 16	„ медведя.
1 : 11,6	„ выдры.
1 : 9,3	„ слона.
1 : 8,6	„ ежа.
1 : 4,7	„ собаки.
1 : 4,2	„ дикой синицы.
1 : 2,7	„ „ лося.
1 : 2,5	„ „ козла.
1 : 2	„ „ крысы.
1 : 1,2	„ „ козы.

Из приведенных фактов следует, прежде всего, что внутриматочное развитие сравнительно всего короче у человека, а всего продолжительнее у травоядных и у крысы. Это обстоятельство прямо указывает на то, что ребенок, появляясь на свет, представляется мало развитым сравнительно с новорожденными и молодыми животными, и что поэтому-то для его доразвития и полагается столь длинный срок внематочного, или воспитательного развития. Этот вывод вполне подтверждается непосредственными исследованиями о развитии частей тела у человека и других млекопитающих, как это будет показано ниже. Теперь же мы посмотрим, в каком отношении находится продолжительность воспитательного периода к наибольшей продолжительности жизни вообще. Говоря о человеке, мы возьмем за срок воспитательного периода 20 лет (хотя мы имели бы полное право взять несколькими годами больше); максимум же жизни человеческой мы полагаем приблизительно в 130 лет. При этом отношение воспитательного периода к продолжительности жизни будет равняться отношению:

¹⁾ Брэм. *Illustrirtes Thierleben*, т. II, стр. 796.

²⁾ Данные для прилагаемых цифр заимствованы мною главным образом из только что цитированного сочинения Брэма.

1 :	5,4	для человека.
1 :	6,2	„ слона.
1 :	8	„ медведя.
1 :	8,7	„ льва.
1 :	9	„ ежа.
1 :	15	„ собаки.
1 :	19	„ дикой свиньи.

Мы видим отсюда, что даже на телесное развитие (не говоря уже о психическом) у человека употребляется гораздо больше времени (в постэмбриональном периоде развития), чем у других млекопитающих. Сравнительная медленность человеческого развития в постэмбриональном (внематочном) периоде зависит не только от более медленных процессов роста, но также от того, что, рождаясь на свет, человек представляется сравнительно менее развитым, чем другие новорожденные млекопитающие. Это составляет, очевидно, результат сравнительно более кратковременного развития человека в течение внутриматочного периода. Резче всего отличие между взрослым и новорожденным млекопитающим обнаруживается в деле устройства головы. Кости черепа в это время бывают соединены не постоянными швами, а временными связками, дающими костям большую возможность раздвигаться; это обстоятельство составляет существенное условие при развитии мозга. Временные связки (так называемые роднички) бывают более всего развиты у человека и у ближайших к нему обезьян. Особенно сильно развиты у зрелого человеческого зародыша два родничка, из которых один (большой) помещается между лобными и теменными костями и другой (меньший) между теменными и чешуей затылочной кости. Эти оба родничка являются у хищных млекопитающих и у грызунов только в рудиментарном виде, вследствие чего общая форма черепа у новорожденных этих животных ближе подходит к форме взрослого черепа, нежели у обезьян, а в особенности у человека ¹⁾. У новорожденных жвачных животных кости черепа ограничиваются уже зубцами, образующими швы. Хотя и существует несколько фактов, свидетельствующих о меньшем развитии некоторых новорожденных млекопитающих сравнительно с новорожденным ребенком, но эти факты, по своей одиночности и скоропреходимости, не могут изменять главного результата. Известно, что некоторые хищные, наприм., собака, кошка, рождаются слепыми, но, во-первых, у них веки скоро прорезываются, и глаза начинают раньше функционировать, нежели у человека, рождающегося уже с прорезанными веками. Кроме того, эта первоначальная слепота не соединяется с недоразвитием какого-нибудь из важнейших органов, и потому у многих хищных (например, у льва) веки прорезываются еще до рождения. Нетрудно убедиться в том, что указанные факты относительно сравнительной истории развития человека и других

¹⁾ См. *Rehrer*. Beiträge zur vergleichenden und experimentellen Geburtshilfe. Zweites Heft. 1868, стр. 92.

ныших животных должны играть очень важную роль в жизни и течение воспитательного периода. Из этих фактов следует прежде всего, что ребенок разнится от взрослого человека гораздо больше, чем всякое другое молодое животное от взрослого. Между ребенком и взрослым человеком лежит длинный воспитательный период с целым миром особенных условий. У других же животных, воспитательное развитие которых нам более или менее известно, разница между молодым и взрослым животным невелика и кратковременна, вследствие чего первое очень скоро догоняет второе. Этот вывод нам необходим для того, чтобы взвесить роль подражания при воспитании. Всем известно, что все молодые животные имеют величайшую наклонность к подражанию действиям взрослых. Детей на этом основании часто называют „обезьянами“. Очевидно, что чем меньше различие между молодым и взрослым животным какого-нибудь вида, тем полезнее будет роль подражания при воспитании молодого животного. Молодое травоядное животное, которое рождается наиболее развитым и которое по появлении на свет оказывается уже способным следовать за матерью, может во всех отношениях подражать ей. В подобном случае подражание является главнейшим и почти единственным орудием воспитания. В несколько меньшей мере то же приложимо и ко многим другим животным. Хищные хотя и не так рано, как жвачные, но все же очень скоро начинают свое воспитание, т.е. следуют за матерью, подражают ей в деле добывания пищи, устраивают себе такие же жилища, какие делает их мать,—словом, употребляют все свои подражательные наклонности с воспитательной целью и таким образом, без помощи всякой педагогической системы, блистательно оканчивают свое образование. Мы уже выше видели примеры такого успешного действия подражания в деле воспитания лисицы и тюленя, и всякому известны подобные же примеры относительно молодых собак и кошек. Щенок, видя, что большие собаки побегали в какую-нибудь сторону и залаяли, сам бежит туда же и лает, совершенно не понимая, зачем все это делается. Мы видели также, что подражание играет очень важную и полезную роль в деле воспитания нецивилизованных или получивилизованных народов, где дети, играя, научаются всем действиям родителей. Понятно, что здесь подражание уже иногда может вести и не к добру, так как и в обстановке „диких“ людей встречается много условий, вредных для ребенка. Но, взявши общий итог, мы можем все-таки принять, что подражание у таких народов составляет благоприятное условие для воспитания. Поэтому-то, по всей вероятности, в семействах „диких“ народов наказания детей употребляются далеко не так часто, как в „цивилизованном“ обществе. Многие путешественники утверждают, что американские индейцы считают телесное наказание за преступление и что вообще они только в крайних случаях прибегают к строгости. То же рассказывают и об африканских дикарях. Не подлежит никакому сомнению, что подражание молодых индивидуумов своим родителям всего менее может быть полезно в тех случаях,

когда между молодыми и взрослыми индивидуумами существует наибольшее физическое и психическое различие. Подобным условиям всего более соответствуют именно дети цивилизованных людей. Само собою разумеется, что между маленьким мальчиком и его отцом, членом современного общества, будет гораздо большее отличие, чем между мальчиком-дикарем и его неразвитым, заботящимся только о добывании пищи и прочих жизненных средств отцом. В последнем случае мальчик рано может начать приучаться к взрослому образу жизни и следовать за своим отцом, во всем подражая ему. Он легко выучится тем приемам, которые необходимы при добывании диких животных и растений; он может смело подражать отцу во многих привычках обыденной жизни: он, конечно, скорее научится есть руками, чем ребенок цивилизованного общества научиться употреблять ножик, вилку и ложку, не делая себе этими предметами никакого вреда. „Дикого“ ребенка не нужно учить сидеть на стуле и за столом, бегать по гладкому полу и пр. Простая обстановка „дикого“ человека, разумеется, более подходит к особенностям ребенка, чем гораздо более сложная обстановка цивилизованных людей. В этом деле существует такое же отношение, как и в деле относительного различия между ребенком и взрослым у цивилизованных и нецивилизованных людей. И независимо от предыдущих соображений легко убедиться в том, что если данная обстановка соответствует условиям жизни взрослого человека, то она необходимо должна быть слишком сложна для ребенка. Поэтому-то и оказывается то сознание многими обстоятельство, что детей лучше воспитывать (по крайней мере, до известного возраста) в деревне, чем в городе. Вся деревенская обстановка с садами, полями и пр. гораздо более может соответствовать условиям, необходимым для развития ребенка, чем город с его театрами, дворцами, лавками, рысаками и пр. В этом отношении мы совершенно сходимся с Ж.-Ж. Руссо, который начинает воспитание своего Эмиля в деревне и только со временем (впрочем, все-таки слишком рано) перевозит его в город. Только мы, считая обыкновенную деревенскую обстановку более подходящею для ребенка, чем городскую, далеки от мысли считать ее вполне соответствующею всем условиям развития детского организма. К сожалению, последний представляет много таких сторон, которые делают и любую деревенскую обстановку слишком сложной для него. Нам необходимо иметь в виду (что именно всегда упускается из вида защитниками теории „естественного“ воспитания), что ребенок не есть человек в миниатюре, род временного карлика, который обладает всеми теми же свойствами, которые характеризуют взрослого человека. Уже простое эмбриолого-анатомическое исследование показывает нам, что организм ребенка качественно отличается от организма взрослого человека. Мы выше говорили о соединяющих черепные кости ребенка временных связках, которые играют очень важную роль в деле развития мозга, а следовательно, и целого организма. У ребенка существуют и особенные органы (thymus) и анатомические особен-

ности кровеносной системы. Почки его представляются лопастиными и пр. И в интеллектуальном отношении ребенок не есть человек в миниатюре. Хотя он очень рано начинает связывать отдельные представления и делать из них выводы, но он делает это иначе, чем взрослый цивилизованный человек, и оттого-то ребенок воображает все живым и вообще антропоморфирует внешние предметы. Являясь во многих важных отношениях отличным от взрослого человека, ребенок, очевидно, не может ужиться в той обстановке, которая пригодна (да и то в известной только мере) для взрослых людей. И для того-то, чтобы согласить ребенка с окружающей обстановкой, обыкновенно и употребляются разного рода насильственные меры. Поясним это примером. Ребенок, находясь в саду, замечает красивые, но вредные ягоды. Вид этих привлекательных плодов возбуждает в ребенке желание непременно съесть их. Он поступает совершенно естественно, намереваясь сорвать ягоду и положить ее в рот: во всем его организме не существует никакого регулятора, который бы отвратил намерение ребенка; вид ягод ему не противен, а привлекателен, и вкус—также. Очевидно, что тут мы видим пример несоответствия ребенка (руководствующегося своими чувствами) с окружающей обстановкой; для того, чтобы согласить их, нужно вмешательство посредствующего взрослого человека. Воспитатель старается внушить ребенку, что эти ягоды вредны и что их поэтому есть не следует. Ребенок, в огромном большинстве случаев, не соглашается с этими доводами, так как, по его мнению, все, что вкусно и красиво, в то же время и съедобно. Воспитатель должен прибегнуть к насилию, т.-е. отнять ягоды или отвести ребенка. Ребенок, рассуждающий на основании собственных соображений, т.-е. судя о достоинстве предметов по вкусу, считает воспитателя кругом виноватым и, подчиняясь силе, огорчается и озлобляется. Таков обыкновенный ход дела. Несоответствие желаний ребенка с окружающей обстановкой ведет к порче характера, т.-е. в большей части случаев оно производит или сильнейшую раздражительность, или же подчиняемость, т.-е. апатию. Стоит умножить в уме случаи несоответствия внешней обстановки с естественными наклонностями ребенка, и тогда будет понятно, что они должны производить дурное влияние на развитие характера. От этого вывода легко перейти к следующему правилу: для возможно лучшего воспитания нужно стараться ставить ребенка под влияние обстановки, наиболее для него соответствующей. Мы указали на одну, и притом очень важную, причину неуспеха воспитания, т.-е. на один из источников так называемой „порчи“ характера. Ребенок цивилизованных народов слишком резко разнится от взрослого индивидуума и потому не может стать в соответствие с обстановкой, пригодной для последнего. Вследствие этого подражание, играющее столь важную и благоприятную роль в деле воспитания животных, менее разнящихся по возрастам, оказывается часто очень вредным при воспитании ребенка цивилизованных людей. Сравнительно очень значительная продолжительность нематочного, или воспитательного, раз-

вития детей является дальнейшим очень неблагоприятным условием для воспитания. Но, кроме указанной, есть еще и другие причины, мешающие правильному воспитанию детей. Они лежат столь же глубоко, как и та, о которой мы до сих пор говорили. Они лежат именно в самых условиях физического развития детского организма. Научно доказанные факты свидетельствуют, что та гармония, которая (и то в известной только степени) устанавливается во взрослом организме между различными частями тела, составляет одно из позднейших явлений развития, и что в ребенке существуют такие органы, которые окончательно развиваются ранее, нежели они должны функционировать. В развитии человеческого организма мы встречаем вообще несоразмерность в относительном развитии органов, которая и служит источником многих вредных организму действий и составляет существенное препятствие правильному воспитанию. Это положение уяснится следующим рядом фактов.

1) Исследования Гартинга ¹⁾ показали, что новорожденный ребенок имеет уже полное число нервных волокон, и что утолщение нервов, обнаруживающееся во время дальнейшего развития, совершается на счет утолщения одной оболочки (неврилеммы) уже готовых нервных волокон.

Вот цифры:

	Срединный нерв руки.	Бедренный нерв.
У новорожденного ребенка . .	20,906	37,297
У взрослого человека	22,560	35,416

Те небольшие различия, которые замечаются в этих цифрах, очевидно указывают на существование индивидуальных (хотя и очень небольших) особенностей в числе нервных волокон. Приписывать же эти отличия росту мы не можем, так как один нерв у новорожденного оказался содержащим меньше, а другой, наоборот, больше волокон, чем у взрослого. В деле развития нервов мы, следовательно, видим совершенно обратное тому, что было вообще сказано о развитии человека. В то время как нервы, по числу составляющих их волокон, представляются почти совершенно одинаковыми у новорожденного и у взрослого,—другие анатомические признаки, например устройство черепа, представляют нам сравнительно огромные отличия у новорожденного и у взрослого человека. Имея, с одной стороны, в виду указанный факт относительно развития нервов, с другой же стороны, принимая в расчет, что у ребенка эти нервы распространены на меньшей (абсолютно, а не относительно) поверхности, чем у взрослого, мы можем уже видеть, что у ребенка чувствительность должна быть более значительна, чем у взрослого, если только в детском организме не существует каких-либо причин, препятствующих развитию чувствительности. Экспериментальным

¹⁾ Recherches micrométriques. Utrecht 1854.

решением этого вопроса занялся известный физиолог Чермак ¹⁾. Он делает с помощью Веберовского метода измерения осязательной способности детей, а потом сравнивает полученные цифры с теми, которые добыл Вебер при измерении осязания у взрослых. Самый метод подобного исследования состоит в том, что наблюдатель дотрагивается, слегка надавливая, до кожи наблюдаемого человека обеими ножками циркуля, более или менее раздвинутыми, разом. Наблюдаемый субъект, не видя, разумеется, циркуля, должен определить: ощущает ли он укол в одном только месте или же ясно различает два укола от обеих ножек. Роль наблюдателя заключается в том, чтобы заметить и вымерить расстояние между ножками циркуля, необходимое для того, чтобы вызвать начало ощущения двойного укола. Это расстояние бывает различно, смотря по тому, к какой части тела прикладывается циркуль. Так, например, чтобы получить явное двойное ощущение от ножек циркуля на кончике языка, нужно раздвинуть их на $\frac{1}{2}$ парижской линии; для того же, чтобы получить подобное же двойное ощущение на спине, нужно раздвинуть ножки циркуля на 30 парижских линий. Это расстояние дает непосредственно меру тонкости того чувства, которое у физиологов называется *пространственным чувством кожи* (Raumsinn der Haut). Вот именно это-то чувство и определил Чермак для детей. Он делал опыты над четырьмя мальчиками от одиннадцати до двенадцатилетнего возраста, которым измерял тонкость пространственного чувства на 37 различных местах кожи. *Все полученные им цифры (за исключением двух) меньше, чем соответствующие цифры у взрослых, что прямо указывает на большую тонкость пространственного чувства у мальчиков.* Возьмем для примера несколько подобных цифр:

Часть кожи.	Расстояние концов циркуля в линиях.				
	Взросл.	Мальчик 11 л. 9 м.	Мальчик 12 лет.	Мальчик 11 лет.	Мальчик. 12 лет.
Красная поверхность губы	2	1	$\frac{3}{4}$	1	1
Некрасная часть губы	4	3	3	2	3
Тыльная поверхн. перв. сустава пальцев	7	5	4	5	5
Внутренняя поверхн. губ близ десен	9	5	6	6	6
Покрытая волосами нижн. часть затылка	12	8	10	8	9
Верхняя поверхность руки	14	9	10	9	12
Шея под нижней челюстью	15	9	10	8	10
Кожа над грудной костью	20	16	15	15	14

Исследования Чермака показывают, что с увеличением роста чувствительность постепенно притупляется, что, очевидно, в значительной мере зависит от увеличения (абсолютного) наружной

¹⁾ Physiologische Studien. III. Beiträge zur Physiologie des Tastsinnes, в Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien, 1835, т. XV, стр. 466.

поверхности тела. Это положение Чермак доказывает и другим рядом опытов, именно исследованием тонкости пространственного чувства в растянутой и нормальной коже, при чем первая оказывается менее чувствительною, чем последняя. Сравнивая результаты всех опытов, Чермак пришел также к выводу¹⁾, что притупление кожной чувствительности при возрастании человека совершается не только вследствие различных, хотя и неизвестных, изменений в органах центральной нервной системы (т. е. в мозгу). К сожалению, этот вывод не так научно доказан, как вывод о большей чувствительности кожи у детей, а поэтому мы не можем брать его за основание для дальнейших соображений²⁾. Во всяком случае, однако, мы должны здесь обратить внимание на то, что центральные нервные органы должны иметь очень большое влияние на развитие чувствительности. Новорожденный ребенок (как мы выше видели) имеет приблизительно такое же число нервных волокон, как и взрослый, а между тем мы не имеем никакой возможности утверждать, чтобы он чувствовал интенсивнее взрослого человека, а тем более интенсивнее более развитого ребенка. Чувствительность не есть простое отправление нервных волокон; она зависит от центральной нервной системы: привычка чувствовать и внимание необходимы для тонкости ощущения, а их недостает новорожденному или вообще очень маленькому ребенку. Из сказанного следует, что, за исключением раннего детского возраста, чувствительность кожи у детей вообще сильнее, чем у взрослых. Этот факт считается общепринятым в науке. К сожалению, мы не имеем столь же положительных данных относительно сравнительной тонкости других чувств у ребенка и у взрослого человека. Но многие факты допускают предположение, что и они чрезвычайно развиты у ребенка. Так, например, так называемое мускульное чувство должно быть в высшей степени развито даже у таких маленьких детей, у которых пространственное чувство кожи, по всей вероятности, стоит на далеко меньшей степени развития. Всякий, наблюдавший очень маленьких детей, вероятно заметил, что они во время бодрствования постоянно двигают то одним, то другим из своих членов: они, как говорят, „ужасно кривляются“. Они до чрезвычайности любят, чтобы их качали, носили, подымали и пр.; плачут когда их кладут на место, и успокаиваются, когда их опять берут на руки. Это прямо указывает именно на так называемую мускульную чувствительность. Если мы примем в соображение указанную Гартингом особенность числового развития нервных волокон, то и тут увидим подтверждение предположения об усиленной мускульной чувствительности детей. Если число нервных волокон, идущих от мускулов к нервным центрам, приблизительно одинаково у ребенка и у взрослого, то очевидно, что при абсолютно меньшей величине детских мускулов, нервы их будут расположены гуще, а следо-

¹⁾ I. с., стр. 499.

²⁾ См. *Wundt*, Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung, в Zeitschrift für rationelle Medicin, 1858, стр. 248.

нательно и мускульная чувствительность (притом нервные центры будут способствовать этому) должна быть сильнее. То обстоятельство, что нервные центры ребенка действительно способны к сильным мускульным ощущениям, показывается уже вышеприведенными примерами. Относительно развития четырех более концентрированных чувств (зрения, слуха, обоняния и вкуса) мы знаем очень немногое. Существует, однако, факт, доказанный Кусмаулем ¹⁾, что очень скоро после появления на свет дети уже способны различать вкус различных предметов и получать явно выраженное неудовольствие и удовольствие от вкусовых ощущений. Значительная степень развития чувствительности, соединенная с сравнительно очень быстрым течением всех жизненных процессов в организме составляет очень важную причину страстности, характеризующей вообще детский нрав. Подобный характер получает полную возможность развиваться вследствие того, что удерживающие страстность моменты, т.-е. ум и воля, у ребенка представляются сначала вовсе неразвитыми, а потом развитыми, но сравнительно очень слабо. Хотя наука не может непосредственно показать степень развития волевого аппарата, но, тем не менее, существуют данные для того, чтобы составить себе понятие о сравнительно позднем развитии этого регулятора человеческой жизни. Ребенок очень долго не проявляет воли при выведении экскрементов, в то время как непроизвольное выведение их наружу обыкновенно служит для него одним из поводов, возбуждающих страстность. Ребенок обыкновенно кричит, когда он чувствует себя мокрым, но тем не менее он не в состоянии подчинить своей воле мочеиспускательных движений. Неравномерное развитие чувствительных и волевых аппаратов в организме ребенка оказывает, очевидно, очень большое влияние на дальнейшее развитие характера и на всю моральную жизнь человека. Руссо уже знал, что причина слабости человеческого характера кроется в неравном отношении между желаниями человека и его силами, но он думал, что подобное неравенство составляет один из продуктов дурного воспитания. „D'où vient la faiblesse de l'homme?“ спрашивает Руссо ²⁾, „De l'inégalité qui se trouve entre sa force et ses désirs. Ce sont nos passions qui nous rendent faibles, parce qu'il faudrait pour les contenter plus de forces que nous en donna la nature“. („Откуда происходит слабость человеческого характера? От несоответствия между его силами и его желаниями. Это наши страсти делают нас слабыми, так как для удовлетворения их потребовалось бы больше сил, чем нам дала природа.“)

Нужно прибавить, что природа дала нам не только менее сил, чем сколько необходимо для удовлетворения наших желаний, но что она же и дала нам эти чрезмерные желания, так как она снабдила человеческий организм усиленной чувствительностью, что, как мы видели, непосредственно доказывается научным опытом. Сопоставляя только что выведенный результат с тем, что

1) Ueber das Seelenleben der Neugeborenen. Leipzig 1859.

2) Emile. Paris 1836. Т. II стр. 5.

было сказано выше о существенном отличии в развитии человека и других млекопитающих, легко убедиться в том, что чем дальше продолжается воспитательное (внематочное) развитие и чем медленнее устанавливается равновесие (в той мере, в какой оно только может установиться) между страстностью и волею, тем крупнее должны быть последствия неравновесия между этими двумя двигателями жизни. Последствия эти должны особенно усиливаться там, где существует наибольшее различие между взрослым и молодым организмом. Имея в виду эти выводы и принимая в соображение вышепоказанные факты, что воспитательное развитие человека продолжается дольше соответствующего периода у других животных, и что новорожденный ребенок сравнительно больше разнится от взрослого человека, чем крайние возрасты у других высших животных, мы, очевидно, должны прийти к заключению, что неравномерность в развитии чувствительности и воли всего значительнее и всего влиятельнее будет у человека. Этот вывод вполне подтверждается непосредственным наблюдением. „Ни одно животное,—говорит Бурдах ¹⁾),—после своего рождения не представляется столь нетерпеливым и столь страстно желающим, как человек: он один только считает пределы своей жизни нестерпимыми“. Нет никакого сомнения, что по мере развития несоразмерность между двумя основными качествами человеческого характера, т. е. чувствительностью и страстностью, с одной стороны, и умом и волею, с другой, приходит в большее или меньшее равновесие, но несомненно также и то, что первоначальная несоразмерность оставляет глубокие дальнейшие следы, которые во множестве случаев выражаются и у взрослых людей в преобладании страстности над волею. Это важное обстоятельство должно обращать на себя все внимание воспитателей при выработке характера силою воспитания. Так как для научного решения вопроса о воспитании установление по возможности полного понятия о природной, естественной несоразмерности в развитии отдельных частей организма играет весьма важную роль, то мы обратимся теперь к рассмотрению наиболее осязательных примеров подобной несоразмерности. Очень убедительные факты в этом отношении представляют нам некоторые моменты из истории развития половых органов. По всей вероятности, в тесной связи с описанным выше значительным развитием кожной чувствительности у детей находится и очень раннее развитие той особенной формы осязания, которая составляет половое ощущение. Всем известно из обыденной жизни, в особенности же хорошо известно это кормилицам и нянюшкам, что еще грудные дети получают очевидное удовольствие от более или менее продолжительного прикосновения к их наружным половым органам. В раннем возрасте дети получают такое удовольствие обыкновенно от случайного трения, потом уже сами начинают доставлять себе наслаждение, и в огромном большинстве случаев развивают

¹⁾ Traité de Physiologie, trad. par Jurdan. Paris 1839, т. IV, стр. 420.

в себе всем известный и до чрезвычайности распространенный порок—онанизм. Я не имею ни возможности, ни надобности подробно распространяться здесь об этом пороке, так как теперь он важен для нас единственно как пример несоразмерности в развитии различных аппаратов половой системы. Существенно то, что чувствительный половой аппарат начинает действовать гораздо раньше, чем все остальные аппараты половой системы—факт, представляющий нам новый пример преждевременного развития страстных элементов. Это обстоятельство совершенно уясняется основным фактом развития нервов, указанным впервые Гартингом. В самом деле, если число волоконцев чувствительного нерва половых органов не увеличивается по мере вырастания организма и если (в чем не может быть сомнения) нервные центры способны у детей к половому ощущению, то ясно, что и в наружных гениталиях ребенка нервные волокна будут размещены гуще, чем у взрослого человека. Несоответствие подобного эмбриологического явления очевидно каждому: в то время, как половые органы, т.-е. их внутренние главнейшие части, находятся еще в таком состоянии, когда они решительно не могут совершать своего отправления, в то самое время половое чувство уже настолько выражено, что ребенок получает возможность злоупотреблять им и доставлять себе тем большой вред. В доказательство того, что это чувство очень сильно требует удовлетворения (разумеется, не „нормального“), мы можем привести повсеместное распространение онанизма. Барт говорит ¹⁾, что, несмотря на отсутствие всяких неестественных пороков между обитателями Золотого берега Африки, онанизм у них сильно распространен. О вредном влиянии на весь организм этого порока, происходящего, именно, вследствие преждевременного развития половой чувствительности, всякий имеет большее или меньшее понятие, и хотя он, положим, только в редких случаях бывает прямо спасен, но зато всегда производит сильное влияние на развитие столь распространенной „нервности“ организма. Много нервных болезней обязаны своим происхождением онанизму. И весьма вероятно, что этот же порок составил сильную долю той „*penchant à dégénérer*“ (наклонности к испорченности), существование которой предположил в себе Ж. Ж. Руссо, т.-е. что он в значительной мере повлиял на развитие безгранично страстного характера великого мыслителя. Чем дольше продолжается период от проявления половой чувствительности до начала „нормальной“ деятельности половых органов, тем дольше будет организм подвержен пороку, который будет производить тем худшее влияние на всю дальнейшую жизнь животного. Так как именно этот период всего дольше продолжается у человека, то понятно, что на него всего сильнее и должна повлиять природная несоразмерность в развитии половых органов, т.-е. слишком, преждевременное появление полового чувства. Как ни длинен, сравнительно, период развития человека от начала по-

¹⁾ Цитировано у Вайца, в *Antropologie der Naturvölker*, II, стр. 203.

явления полового чувства до общего созревания половых органов, но все же последний момент оказывается, в свою очередь, также слишком преждевременным. Время появления половой зрелости различно у различных полов и у различных народов. „Мы должны признать, — говорит Бурдах ¹⁾, — что существует общее правило, по которому чем совершеннее развивается общечеловеческий характер, тем позже появляется половая зрелость“. Это положение действительно подтверждается многими фактами. У народов, населяющих берега Амазонской реки, половая зрелость девочки появляется приблизительно в 12 лет; в тот же срок появляется она и у нецивилизованных северных народов Сибири. Очень рано появляется она также у жителей мароккской пустыни и у обитателей Индии. У негритянских и монгольских народов половая зрелость появляется вообще раньше, чем у европейцев, каковое отношение не изменяется и при переселении этих народов в другие климаты. Для европейских девочек нужно принять пятнадцатилетний возраст за средний срок появления половой зрелости. У европейских мальчиков этот период наступает обыкновенно от 15-ти до 18-тилетнего возраста.

Каким бы колебаниям ни подвергались средние цифры наступления периода половой зрелости, во всяком случае, в общем результате выходит, что этот период появляется слишком преждевременно по отношению к общему, целостному развитию организма и, напротив, чересчур поздно сравнительно с появлением полового чувства. Несоразмерность в появлении полового чувства и половой зрелости служит причиной продления того „ненормального“ периода, когда ребенок должен прибегать к „неестественным“ средствам самоудовлетворения. Несоразмерность же в относительном наступлении периода половой и общей зрелости организма производит очень много разнообразных дурных последствий в другой форме. Всякому более или менее известно, какое влияние производит половое воздержание на весь организм, и в какой мере оно обуславливает нервные болезни (особенно у девушек). С другой стороны, известно также, что вступление в брак девиц в молодом возрасте служит очень важной причиной болезненности и даже смертности молодых женщин. Если мы примем (согласуясь, разумеется, с научными данными), что период общей зрелости организма определяется в Европе приблизительно в 20 лет для девочек и в 24 года для мальчиков, то у нас получится продолжительность несоразмерности в половой и общей зрелости, равная пяти годам для девочек и от восьми до шести лет для мальчиков. До какой степени вредно, даже просто в физическом отношении, вступление молодых девушек и юношей в брак, можно уже видеть из прилагаемых статистических данных ²⁾. В период от 1855 до 1857 года во Франции умерло особ женского пола в возрасте:

¹⁾ *Traité de Physiologie*, т. V, стр. 40.

²⁾ См. *Oesterlen. Handbuch der medicinischen Statistik*. Tübingen 1865, стр. 193.

	Из 1000 замужних женщин.	Из 1000 незамужних девушек.
15—20 лет	14,0	8,0
20—25 „	9,8	8,5
30—40 „	9,1	10,3
40—50 „	10,0	13,8

Относительно сравнительной смертности женатых и неженатых юношей в периоде от 15 до 20-тилетнего возраста мы имеем следующие цифры: из 1000 женатых — 29,3 ежегодно, из 1000 неженатых только 6,7. Очевидно, что приведенный пример несо-размерного развития половой зрелости с общей зрелостью орга-низма всего более оказывает влияния на народы, стоящие во главе цивилизации. Там, где вступление в брак составляет нечто большее, чем простое сожителство, где при выборе супругов в значительной мере участвуют многие нравственные моменты, са-мое время заключения брака должно более или менее отодви-гаться, удлиняя тем и без того продолжительный период, начи-нающийся с половой зрелости. Поэтому-то мы и видим, что обык-новенно в низших слоях браки заключаются вообще раньше, чем в развитых сословиях, и у нецивилизованных народов рань-ше, чем у более цивилизованных¹⁾. Приведенные примеры ясно показывают, что в развитии организма действительно существуют несоразмерности в развитии отдельных аппаратов, — несоразмерно-сти, которые вообще тем значительнее, чем продолжительнее тя-нется весь период воспитательного развития. Но, кроме указан-ных, существует еще много других подобных же примеров, кото-рые в настоящую минуту менее осязательны и потому менее убе-дительны. Вообще только дальнейшая научная разработка исто-рии воспитательного развития человека и других животных даст нам полный ответ на главнейшие вопросы науки о воспитании. В настоящее время главная цель наша состояла в указании путей, по которым должно идти исследование, и в раскрытии главней-ших факторов, действующих при развитии человека. Мы и теперь могли бы указать на некоторые жизненные вопросы, которые до сих пор не перестают быть спорными и нерешенность которых зависит именно от несоответствия в относительном развитии различных человеческих способностей, — несоответствия, в основа-нии которого лежит, по всей вероятности, простое органическое несоответствие во времени развития некоторых частей нашего тела. Всем известен главный философский вопрос, который с са-мых первых времен умственной жизни человечества разделил его на две большие партии. Вопрос этот заключается в том, откуда человек получает источники своего познания. Получаются ли все наши знания из материала, добытого нашими чувствами (*nihil est*

1) В „развитых сословиях“, т. е. в буржуазных классах современного капита-листического общества, брак служит экономическим интересам — потребностям капи-тала в концентрации, интересам семейной собственности. Эти отодвигающие за-ключение брака на более поздний возраст моменты отсутствуют у „низших слоев“ т. е. среди пролетариата. Эти-то чисто экономические причины и объясняют ука-зываемые автором различия брачных возрастов в разных классах капиталистиче-ского общества,

in intellectu quod non fuerit in sensu), или же существуют еще какие-нибудь основные прирожденные понятия, независимые от ощущений (nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu, nisi intellectus ipse—в нашем разуме имеется только то, что дали ему ощущения, кроме самого разума)? Если этот вопрос может кем-нибудь считаться порешенным, то уже, во всяком случае, никак не научно решенным, а практически. Зная, что положения, основанные на данных, добытых посредством чувств, дают возможность с положительной точностью предсказывать события (как это делает, например, астрономия), мы, конечно, должны относиться с доверием к показанию чувств, взаимно контролируемых. Но все же этим не может окончательно разрешиться вопрос: откуда и каким образом происходят и развиваются наши познания? Если бы человек мог запомнить первые свои ощущения и вообще если бы элементы, из которых составляется человеческое знание, не только входили в различные комбинации, но и оставляли бы по себе след в памяти, то, конечно, человек не отступал бы так часто от прямого пути логического мышления, и спорный до сих пор вопрос, очевидно, вовсе не был бы вопросом. В том-то и дело, что первые наши ощущения, играя громаднейшую роль в истории развития познания, совершенно недоступны памяти, которая, очевидно, развивается позже, чем следовало бы... Из всего сказанного нами выше следует, что в развитии самого организма находятся условия, имеющие дурное влияние на все дальнейшее развитие. Эти условия заключаются, главным образом, в неравномерном развитии таких частей, „нормальное“ отправление которых должно составлять нечто гармонически целое. Из сказанного легко видеть также, что чем дольше продолжается воспитательное развитие, тем сильнее выражается и действие неравномерного развития органов. Этот вывод дает нам, между прочим, возможность объяснить себе причину разлада между педагогами-теоретиками и педагогами-практиками, о котором мы сказали в начале нашей статьи. Теоретики, как Руссо, обращая внимание только на одну сторону дела, именно на чересчур значительное усложнение условий воспитания у цивилизованных народов, сравнительно с более простыми условиями воспитания так наз. дикарей, и на происходящие от этого невыгоды, восстают против отдаления человека от природы и ищут спасения в беспрекословном следовании „указаниям природы“. Они при этом упускают из виду, что именно уклонение человека от „указаний природы“ и та быстрая порча, на которую сетует Руссо, составляют прямой и необходимый результат особенностей самого организма. Понятно, почему практики не могли и не должны были останавливаться на теории „естественного воспитания“. Они должны были хорошо видеть, что эта теория хороша только на бумаге, а что в действительности она неприменима, так как самое строгое следование ее правилам не могло устранить препятствий, составляющих результат естественной неравномерности в развитии организма. Поставивши, таким образом, вопрос о воспитании на почву индуктивной науки, можно указать приблизительно и на задачи педагогики.